

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В СФЕРЕ БИЗНЕСА
INTERDISCIPLINARY RESEARCH IN THE FIELD OF BUSINESS

Обзор
Review

УДК 338.001.36

DOI: 10.18413/2408-9346-2020-6-2-0-6

Мясоедов А. И. | Риски роста протекционизма в глобальной экономике

Государственное бюджетное учреждение города Москвы
«Многофункциональные центры предоставления
государственных услуг города Москвы»,
Вознесенский пер., 22, Москва 125009, Россия
e-mail: retvil@mail.ru

Статья поступила 20 мая 2020 г.; принята 23 июня 2020 г.;
опубликована 30 июня 2020 г.

Аннотация. После более чем двух столетий, в течение которых экономисты указывали на преимущества свободной торговли по сравнению с издержками применения торговых ограничений, одним из наиболее значительных событий, отмечающих начало XXI века, является переход от глобализации и торговой интеграции к национализму и протекционизму. Посткризисное постоянное ослабление мировой торговли, явно контрастирующее с рыночным ускорением в предыдущие два десятилетия, было одной из самых обсуждаемых тем в дискуссиях, касавшихся текущей глобальной политики. Учитывая большое значение торговли для генерирования инноваций, повышения производительности труда и, в конечном счете, стимулирования экономического роста, глубокое понимание тенденций и перспектив развития торговли имеет решающее значение для директивных органов. Международный валютный фонд предупреждает, что протекционизм усиливается и создает угрозу глобальному экономическому росту. Неопределенность, связанная с протекционизмом, оказывает давление на экономическую ситуацию в стране и может подрвать и еще больше повлиять на еврозону и мировую экономику. В настоящей статье рассматривается, почему рост протекционизма вновь возник на мировой экономической арене, выявляется совокупность экономических и социально-политических детерминант и выдвигаются на первый план возможные макроэкономические последствия эскалации торговой напряженности. Мы предлагаем закрепить такие текущие движения, как Brexit и евроскептицизм, которые бросают вызов принципам либерализации торговли, порождая рост суверенных национальных акцентов.

Ключевые слова: глобализация; протекционизм; либерализация торговли; глобальный экономический рост; торговая интеграция

Для цитирования: Мясоедов А. И. Риски роста протекционизма в глобальной экономике // Научный результат. Технологии бизнеса и сервиса. – Т. 5, № 2,

2020, с. 65-77, DOI: 10.18413/2408-9346-2020-6-2-0-6

UDC 338. 001.36

Alexey I. Myasoedov | **Risks of increasing protectionism in the global economy**

State Budgetary Institution of the City of Moscow
"Moscow Multifunctional Centers for Providing State Services",
22, Voznesensky Ln., Moscow 125009, Russia
e-mail: retvil@mail.ru

Abstract. After more than two centuries in which economists have pointed out the advantages of free trade over the costs of applying trade restrictions, one of the most significant events marking the beginning of the twenty-first century is the transition from globalization and trade integration to nationalism and protectionism. The post-crisis persistent weakening of world trade, in clear contrast to the market acceleration of the previous two decades, has been one of the most discussed topics in current global policy discussions. Given the importance of trade for generating innovation, increasing productivity and ultimately stimulating economic growth, a deep understanding of trade trends and prospects is crucial for policy makers. The International Monetary Fund warns that protectionism is increasing and poses a threat to global economic growth. The uncertainty associated with protectionism is putting pressure on the country's economic situation and could undermine and further affect the Eurozone and the global economy. This article examines why the growth of protectionism has re-emerged on the world economic scene, identifies a set of economic and socio-political determinants, and highlights the possible macroeconomic consequences of escalating trade tensions. We propose to consolidate current movements such as Brexit and Euroscepticism that challenge the principles of trade liberalization, generating a growth of sovereign national accents.

Keywords: globalization; protectionism; trade liberalization; global economic growth; trade integration

For citation: Myasoedov A. I. (2020), Risks of increasing protectionism in the global economy. *Research Result. Business and Service Technologies*, 5(2), 65-77, DOI: 10.18413/2408-9346-2020-6-2-0-6

Введение. Одним из наиболее значимых событий начала XXI века является переход от глобализации и торговой интеграции к национализму и протекционизму. Международный валютный фонд голосом директора этого учреждения предупреждает, что правительствам следует избегать протекционизма во всех его формах, ссылаясь на историю, которая показывает, что ограничения импорта затрагивают всех глобальных игроков, особенно более бедных потребителей. «Они не только приводят к более дорогим продуктам и более ограниченному выбору, но и мешают тор-

говле играть свою важную роль в повышении производительности и распространении новых технологий» (Lagarde, 2018).

Недавнее исследование, проведенное по теме реконфигурации глобального экономического порядка, выявило три возможных ракурса, под которыми можно расшифровать глобальную экономику в контексте перехода от многосторонней системы, организованной вокруг одной великой державы, к многополярной, в которой доминируют двусторонние и региональные механизмы (Bucătar, 2018). Релевантной перспективой, выявленной и объясненной

ранее, для темы данной статьи является та, которая относится к возможному будущему коллапсу многосторонней торговой системы, порожденному республиканской администрацией, установленной в Соединенных штатах (США) в 2017 году, считающейся протекционистской и националистической, которая уже предприняла важные действия с очевидными намерениями заменить многосторонность двусторонними переговорами. Денонсация Транстихоокеанского торгового соглашения (ТТП), отношение к Североамериканскому соглашению о свободной торговле (НАФТА) и трансатлантическому торговле-инвестиционному партнёрству (ТТИП), наряду с интенсивными дискуссиями о тарифных барьерах как защите некоторых секторов экономики, призывами американских фирм к возвращению домой, репатриации прибыли, выражением сомнений в новых правилах международной финансовой системы и т. д. означают радикальное изменение видения внешнеторговых отношений, если соотнести его с доминирующим мышлением после 1945 года.

Поскольку свободная торговля открыто ставилась под сомнение в США, общественная поддержка глобализации снизилась по обе стороны Атлантики. Такие факторы, как Brexit и евроскептицизм, бросают вызов принципам свободы передвижения и экономической интеграции в Европе, причем страны Европейского союза демонстрируют рост суверенных национальных акцентов. Но правила ЕС все еще поддерживают порядок свободной торговли. Многие европейские лидеры обеспокоены подходом, принятым новой республиканской администрацией, и о Брексите можно судить по логике изменений в США, даже несмотря на то, что Соединённое Королевство (Великобритания) остаётся приверженным видению свободных рынков.

В случае стран БРИКС сильный рост протекционизма в глобальном масштабе затронет в основном Китай, который отказался от протекционизма и принял экспан-

сионистскую фискальную политику, но если кризис расширится и приведёт к постоянным социальным движениям, Коммунистическая партия явно будет вынуждена принять жёсткую линию как для подавления инакомыслия, так и для переосмысления своей стратегии открытой торговли и других мер экономической либерализации. Бразилия имеет более консервативную финансовую систему и в меньшей степени подвержена влиянию международной торговли, в то время как Россия больше подвержена влиянию цен на нефть, чем объёма промышленного экспорта. Несмотря на снижение экспорта, Индия менее подвержена финансовым рискам, но может возникнуть кризисная реакция на уровне различных сепаратистских движений в Индии, что приведёт к внешней нестабильности, менее вероятно связанной с протекционизмом.

После того, как мы представим ситуацию в перспективе, создав воображаемую карту проявления протекционизма по всему миру, может возникнуть несколько вопросов: является ли торговый протекционизм вновь возникающей спорной тактикой среди политиков и экономистов в повышении экономического благосостояния нации? Может ли торговый протекционизм породить кризис, подобный кризису 1930-х годов? В статье рассматривается вопрос о том, почему вновь возник рост протекционизма на мировой экономической арене и каковы макроэкономические последствия этого факта, даются ответы, в определенной степени, на эти вопросы и выявляются детерминанты нового протекционизма XXI века. Чтобы понять протекционизм, необходимо знать, как он проявлял себя на протяжении всей истории. Для этого были контекстуализированы явления, подвергнутые анализу, с намерением интерпретировать и понять нынешнюю глобальную экономическую ситуацию (Иванова, 2017).

На протяжении более чем двух столетий экономисты указывали на преимущества свободной торговли по сравнению

с издержками применения торговых ограничений. Адам Смит отстаивает систему естественной свободы, в которой индивид свободен преследовать свои собственные интересы, в то время как государство играет лишь роль обеспечения правовой базы для ведения экономической деятельности. Можно сказать, что Адам Смит устанавливает, что тарифные и нетарифные барьеры препятствуют свободной конкуренции и свободе действий, свободе, которая является двигателем экономического развития.

Давид Рикардо предлагает постепенно вернуться к «здоровым принципам свободной торговли» (Ricardo, 1959). Принцип конкурентного преимущества гласит, что стране целесообразно специализироваться на производстве и экспорте тех товаров, которые обеспечивают ей наибольшую эффективность. По мнению Рикардо, «модель» международной торговли определяется не абсолютными издержками производства, как считает Смит, а альтернативными издержками. Например, страна эффективна в производстве двух товаров, А и В, а в производстве В она более эффективна, чем другие страны; поэтому ей выгоднее экспортировать товар В и импортировать товар А. Принцип конкурентного преимущества остаётся краеугольным камнем, на котором вся теория международной торговли была консолидирована и вдохновила многих других экономистов, занимающихся вопросами международной торговли.

Джон Стюарт Милль более подробно анализирует выгоды, связанные с внешней торговлей, подчёркивая существование прямых экономических выгод, косвенных выгод и преимуществ морального и интеллектуального вида. Милль считает, что расширение рынка за пределы национальных границ ведёт к более жёсткому разделению труда, интенсивному использованию машин и, следовательно, к вмешательству и усовершенствованию производственного процесса. Ещё одно косвенное преимущество даёт тот факт, что открытость вовне, через торговлю, иногда может

стать своего рода промышленной революцией. Торговля облегчает доступ людей той или иной страны к новым товарам, которые они ранее не знали или не могли себе позволить. Таким образом, люди мотивированы работать усерднее, чтобы удовлетворить свои новые желания, и даже испытывают искушение экономить и накапливать капитал, чтобы обеспечить большее удовлетворение в будущем. Милль подчеркнул, что экономические выгоды от свободной торговли перевешивают моральные и интеллектуальные. Если много веков назад именно война, помимо негативных последствий, связывала людей, принадлежавших к разным мирам и культурам, то сегодня эта роль принадлежит торговле. Таким образом, торговля становится одним из главных источников прогресса. В то же время Милль отводит ей и роль воспитателя, поскольку она учит народы благосклонно смотреть на благополучие и процветание других народов, поскольку богатая нация является потенциальным коммерческим партнером, доступным для других народов. Стремительное расширение международной торговли становится гарантией не только мира во всем мире, но и непрерывного прогресса идей, институтов и характера человеческой расы (Баранников, Иванова, Барбашина, 2016).

Если три либеральных классика – Смит, Рикардо и Милль – строят свои теории на основе ряда общих гипотез, будучи убежденными в достоинствах свободной торговли, то П. Самуэльсон указывает на существование ограничений, выдвигая идею о том, что когда экономика сталкивается с дисфункциями, трудно определить, выиграют ли страны от торговли или нет. Согласно Р. Кичси, история показала, что эта теория имеет меньше последователей во времена, когда экономическая деятельность дезорганизована; например, во время кризиса 1930-х годов страны подняли реальные тарифы в попытке восстановиться (Kicsi, 2013).

Более или менее заметные протекци-

онистские меры стали реальностью современного мира, в котором все страны хотят ограничить свой импорт и в то же время усилить свой экспорт – ситуация, характеризующая Л. фон Мизесом как гротескная: «единственное большое достижение протекционистских тарифов состоит в том, что они препятствуют развитию производства там, где природные и социальные условия наиболее благоприятны» (Von Mises, 2002).

Милтон Фридман также убежден, что «свободная торговля не только способствует мировому благосостоянию, но и способствует миру и гармонии между народами» (Friedman, 1971). Однако даже если экономисты продолжают приводить веские аргументы в пользу международной торговли, протекционистские меры процветают во многих высокоразвитых индустриальных странах.

С другой стороны, одним из самых популярных сторонников протекционистских мер является нобелевский лауреат Пол Кругман, который сослался на «благородную ложь» о том, что депрессия 1930-х годов была вызвана протекционизмом, утверждая, что этот кризис был порожден дефляционной макро-политикой, и что выход из нынешнего кризиса может быть осуществлен с помощью налоговых льгот. Начиная с гипотезы, выдвинутой Джонатаном Д. Остри, заместителем директора Международного валютного фонда, согласно которому «иногда утверждается, что при всех микроэкономических искажениях, вызванных протекционистской политикой, может быть положительная сторона с точки зрения макроэкономических выгод: больше рабочих мест, больше производства и более сильный торговый баланс», мы могли бы объяснить, почему, действительно, некоторые экономики сегодня явно используют коммерческую политику для достижения макроэкономических целей: «Тарифы могут ослабить импорт, увеличить чистый экспорт (разницу между экспортом и импортом или торговый баланс) и таким образом

увеличить ВВП при прочих равных условиях» (Ostry, 2019).

Материалы и методы исследования. Данная статья имеет аналитический характер и учитывает результаты предыдущих исследований, касающихся экономических последствий глобализации, которые рассматривают растущий протекционизм в перспективе путем изучения текущих данных, собранных такими специализированными органами, как Всемирная торговая организация (ВТО), организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), конференция Организации Объединенных Наций по торговле и развитию (СГООН), Global Trade Alert (GTA), а также недавние идеи, выдвинутые важными экспертами из учреждений, играющих ключевую роль в определении глобальной экономической политики, например, Международный валютный фонд или Европейская комиссия. Кроме того, были проанализированы мнения экономистов, которые ознаменовали собой историю развития экономической науки, с тем, чтобы создать прочную теоретическую базу для нашего исследования.

Методология исследования, использованная в статье, включала в себя несколько этапов: документирование и информирование, обобщение и систематизацию и, наконец, индивидуальный подход к сложности явления протекционистского давления в рамках глобальной экономики, главным образом его влияния на международную торговлю.

Учитывая сложность рассматриваемой темы, настоящая статья ставит своей **целью**, прежде всего, осветить динамику и особенности эволюции торгового протекционизма после экономического кризиса через рассмотрение его основных детерминант. Во-вторых, проанализировать глобальные последствия протекционистского явления с двух различных точек зрения для лучшего понимания этой темы. Этот анализ основан на исторических фактах и текущих результатах последних докладов ВТО-ОЭСР-ЮНКТАД о мониторинге, а

также на выводах независимой инициативы по мониторингу.

Результаты исследования и их об-суждение. Процесс торговой интеграции начался после Второй мировой войны. Она получила новый импульс в 1980-х годах и пережила золотой век в период 1990-2008 годов, когда общий объем торговли товарами и услугами увеличился с 39% до 61% мирового ВВП, оказавшись существенным фактором экономического роста и развития, который принёс пользу многим странам мира. В настоящее время международная торговля переживает очень сложный период, при нынешнем соотношении 58% мирового ВВП, международная торговля характеризуется увеличением ограничений на потоки товаров и услуг и напряжённостью в торговых отношениях между государствами мира, что усиливает враждебное восприятие торговли и сотрудничества в коммерческой сфере. (Всемирный Банк, 2018).

Тот факт, что динамика международной торговли в последние годы имеет тенденцию к снижению, а потоки прямых иностранных инвестиций (ПИИ) еще не успели вернуться на докризисный уровень, порождает серьезные проблемы для мировой экономики, тем более что последние исследования свидетельствуют о том, что в настоящее время торговля уже не является драйвером экономического роста ни в промышленно развитых странах, ни в развивающихся странах (Ноекман, 2015). В контексте этих новых реалий, очерченных в глобальном торговом ландшафте, усугубляющим фактором, который делает его присутствие все более и более значимым, является, без сомнения, усиление протекционизма в рамках мер торговой политики.

В глобальном масштабе мнения об интенсивности, динамике и потенциальном воздействии нынешнего протекционизма расходятся, что частично объясняется существенными различиями между результатами нескольких мониторинговых исследований и, в частности, между докладами, подготовленными двумя основ-

ными мониторинговыми органами – ВТО и ГТА. В то время как оценки ВТО отражают снисходительную и довольно оптимистичную ноту, оценки ГТА являются гораздо более непримиримыми и даже паникерскими, поэтому роль последних была приравнена к роли «агрессивной сторожевой собаки».

Согласно исследованию, проведенному Дэвидом Лоу, главой отдела международной торговли Gowling WLG, крупнейшие 60 экономик мира приняли более 7000 протекционистских торговых мер после финансового кризиса, а тарифы в настоящее время составляют более 400 миллиардов долларов. США и ЕС были ответственны каждый за более чем 1000 ограничений. Далее шла Индия, за которой следовали Аргентина, Россия и Япония с ограничениями от 365 до 275, в то время как только три страны – Бразилия, Саудовская Аравия и Тунис – либерализовали торговые правила за этот период (Reuters, 2017).

Изменения в международном контексте привели к двум основным последствиям для торговой политики:

а) компании осознали, что сравнительное преимущество приобрело неустойчивый характер и стремятся к тому, чтобы их конкуренты не занимались тем, что они считают неправильной торговлей; они пытаются заставить правительства и международные институты согласовать политику таким образом, чтобы все конкуренты работали в одних и тех же рамках (Мясоедов, 2020в);

б) обострение международной нестабильности сопровождается усилением чувства незащищённости работников, проблемой незащищённости рабочих мест как в отношении квалифицированной, так и неквалифицированной работы; возможность для компаний переориентироваться на другие места порождает давление со стороны работников с целью введения регулируемых рамок для защиты своих прав (Мясоедов, 2020б). Следовательно, при выявлении процессов и фактов, объясня-

ющих, почему на мировой экономической арене вновь возник рост протекционизма, мы разделяем их на две категории:

- 1) экономическая эволюция;
- 2) опасения в части безопасности граждан, государств.

В отношении первой категории мы выделили следующие факторы:

- размывание позиций США в распределении экономической мощи на глобальном пространстве. Впервые за последние столетия экономическому превосходству западного мира угрожает подъем Азии, в частности Китая, а также Индии, определяющий многополярность мировой экономики. Следствием этого факта является то, что такие механизмы, как Бреттон-Вудские, конкурируют с альтернативными соглашениями и институтами, главным образом продвигаемыми Китаем, к которому присоединились многие европейские страны;

- новые технологии (Четвертая промышленная революция) интенсивно уничтожают рабочую силу, но экономическая и государственная политика ответственны за социальные потрясения. Введение барьеров для доступа иностранных товаров на рынки таких стран, как США, Великобритания, Франция и ряд других, напрямую связано с массовыми потерями рабочих мест в обрабатывающей промышленности стран с дефицитом торговли. Китай, Южная Корея, Малайзия и ряд других азиатских стран следуют политике роста, ориентированной на экспорт (Радостева, 2018а);

- плохая корпоративная практика, уклонение от уплаты налогов и сборов (включая экспортные доходы), враждебность государственных органов, разжигание реакции против глобализации. «Новый глобализм», который служит только деловым интересам корпораций, вызывая подчинение рабочих, потребителей, общественных и социальных интересов и даже прибыли, считающийся одним из самых больших изменений в мире за последние 350 лет, неизбежно порождает протекцио-

нистские реакции (Мясоедов, 2020а);

- широко распространено мнение, что внешние (финансовые) рынки обладают чрезмерной властью в плане влияния на решения национальных правительств. В этом отношении проблема весьма деликатна, поскольку на карту поставлена легитимность тех, кто наделен полномочиями управлять государственными делами (Пряжникова, 2019). Наиболее красноречивая ситуация складывается в ЕС, в рамках которого проявляется институциональный кризис. В настоящее время многие националистические партии отвергают необходимость наднациональных институтов и утверждают, что членство в ЕС подрывает национальный суверенитет и свободу. Это привело к референдуму 2016 года в Великобритании. Эволюция Brexit, неспособность достичь соглашения и оспаривание этого процесса дают разумные аргументы для обоснования существования сильной связи между национализмом и отсутствием ориентированного на будущее видения, что означает неспособность решать современные проблемы: изменение климата, миграция, технологические сбои, вопросы биоинженерии, которые не могут быть решены только государством, поскольку ему не хватает ресурсов и возможностей. Брексит и нынешняя администрация США открыли новую дверь для недемократических популистских движений в Центральной и Балканской Европе. Все чаще некоторые европейские лидеры отвергают идею либеральной демократии, пропагандируя популизм, одетый в неразвитый региональный национализм, ориентированный на структурные и институциональные изменения в Европе. В условиях недоверия к наднациональным институтам и национальным парламентам предпринимается попытка построить новый тип системы принятия решений, основанный на националистических и экономических аргументах, характерных для неолиберального рынка, который, тем не менее, не лишен существенно признака евроскептицизма.

Переходя ко второй категории, предложенной в данной статье, мы выдвигаем на первый план тот факт, что все большее место в общественной повестке дня западных стран занимает вопрос безопасности, защиты граждан и государства как защитника общественных интересов. США были поражены террористическими атаками в сентябре 2001 года, которые изменили концепцию безопасности граждан и государства. А европейцы в последние годы были поражены террористическими актами, создавшими тревожный синдром. Терроризм, нетрадиционные угрозы (в том числе кибератаки, гибридные войны), страх перед будущим, большая неопределенность заставляют многих граждан требовать от национальных правительств решительных мер. Во Франции и Бельгии, например, действуют чрезвычайные ситуации. Появляются новые меры безопасности. В Европе кризис беженцев, иммигрантов ухудшил функционирование Шенгенского пространства. В этой общей атмосфере неопределенности мы наблюдаем возрождение национальных интересов (национализма) в мире с большими беспорядками, с перераспределением экономической власти (многополярность и беспорядок – то, что Ян Бреммер называет «G-0» против G-20 или G-7, многосторонних институтов) с распространяющимися традиционными и нетрадиционными угрозами (Dăianu, 2017).

По данным мониторинга торговых и инвестиционных мер нынешняя ситуация (двадцатый доклад об инвестиционных мерах Группы двадцати, разработанный совместно секретариатами ОЭСР и ЮНКТАД, охватывает инвестиционную политику и связанные с инвестициями меры, принятые в период с 16 мая 2018 года по 15 октября 2018 года) даёт первое фактическое представление о торговых ограничительных мерах, введённых в контексте нынешней торговой напряжённости. Информация, представленная в докладе, свидетельствует о том, что глобальные потоки прямых иностранных инвестиций

(ПИИ) сократились более чем на 40 процентов и составили около 450 миллиардов долларов США в первой половине 2018 года по сравнению с аналогичным периодом 2017 года. Это снижение было в значительной степени обусловлено значительным возвращением прибыли американских материнских компаний из их зарубежных дочерних компаний в результате реформы корпоративного налогообложения в Соединенных Штатах. Еще один интересный и актуальный аспект, представленный в проанализированном нами докладе, заключается в том, что в первой половине 2018 года по сравнению с первой половиной 2017 года приток ПИИ в развитые страны сократился более чем на 50%, в то время как приток ПИИ в развивающиеся страны был более стабильным. Крупнейшими источниками ПИИ в мире в первой половине 2018 года были Германия, Япония, Франция, Китай и Нидерланды. Удивительно для широкой общественности то, что США, которые постоянно были самым важным источником ПИИ, зарегистрировали отрицательные инвестиции за рубежом, главной причиной которых стала налоговая реформа. (UNCTAD-OECD, 2018).

Австралия, Канада, Китай, Индия, Индонезия и Южная Африка являются шестью государствами-членами G20, которые продвигают конкретные меры по ПИИ, часть которых либерализует иностранные инвестиции. Другая ситуация – это Индия, которая разъяснила конкретные инвестиционные правила, или Индонезия, которая упростила бюрократические механизмы. В Австралии были увеличены налоги на покупку недвижимости или владение недвижимостью иностранцами. Кроме того, если мы возьмем пример Южной Африки, то обнаружим, что новый закон о поощрении инвестиций вступил в силу с целью замены системы защиты инвестиционных договоров национальным законодательством (UNCTAD-OECD, 2018).

В докладе также подтверждается концепция о том, что протекционизм осно-

ван не только на экономических факторах, но и имеет прочные связи с феноменом национальной безопасности, имея в виду ситуацию трех государств-членов G20, которые изменили свою инвестиционную политику, связанную с национальной безопасностью, пытаясь справиться с потенциальными угрозами национальной безопасности, которые непосредственно связаны с международными инвестициями. Увеличение числа мер национальной безопасности, о которых сообщалось в последнее время, и тот факт, что несколько стран готовят наборы таких мер, подчеркивают важность многостороннего диалога с целью выработки более эффективной политики.

Чтобы посмотреть на ситуацию в перспективе, мы также приняли во внимание предыдущие доклады, начиная с 2008 года, и определили, что были нарушены некоторые обязательства воздерживаться от применения новых мер, затрагивающих торговлю и глобальные инвестиции, а также ликвидировать введенные протекционистские меры. Было обнаружено введение новых протекционистских мер: количество новых ограничительных торговых мер, введенных этими странами, постоянно увеличивалось, достигнув самого высокого среднемесячного показателя, зафиксированного с 2008 года в 2016 году (UNCTAD-OECD, 2016); к середине 2016 года около трех четвертей совокупного числа ограничительных торговых мер, введенных странами Большой двадцатки с 2008 года, таких как введение импортных / экспортных пошлин или их повышение, введение запретов на импорт или количественных ограничений, установление более сложных таможенных процедур, меры по локализации и временному или постоянному введению импортных / экспортных пошлин, все еще остаются в силе.

Интенсификация протекционизма продвигается в глобальном масштабе. С общемировой точки зрения тенденции развития торговой политики в последние месяцы 2015 года и в первой половине 2016

года свидетельствуют о наличии серьезной возможной угрозы для восстановления мировой экономики. Результаты последнего доклада о мониторинге торговой политики ВТО, охватывающего период с середины октября 2015 года по середину мая 2016 года, подтверждают, что за семь рассматриваемых месяцев произошло явное возобновление протекционистских мер на уровне членов ВТО (ВТО, 2016). Накопленный с 2008 года запас ограничительных торговых мер не только продолжал увеличиваться, но и в течение наблюдаемого периода наблюдалось увеличение числа новых торговых ограничений, направленных как на импорт, так и на экспорт, по сравнению с предыдущим периодом. Так, в период с середины октября 2015 года по середину мая 2016 года члены ВТО ввели в действие ряд 154 новых ограничительных торговых мер. Из общего числа 2835 ограничительных торговых мер, введенных членами ВТО с 2008 года, только 708 или 25% были отменены к середине мая 2016 года, при этом осталось 2177 (75%), что соответствует увеличению запасов более чем на 11% в период с октября 2015 года по май 2016 года. При анализе протекционизма в глобальном масштабе, согласно уже упомянутому докладу ВТО, необходимо учитывать три аспекта:

1. Значительное число нетарифных торговых мер, материализованных в «конкретных торговых проблемах», представленных комитету ВТО, является подтверждением тенденции к увеличению в последние годы числа этих проблем, представленных комитету ВТО. Даже если, по мнению ВТО, увеличение числа уведомлений автоматически не влечет за собой более интенсивного использования этих мер в протекционистских целях, эта тенденция является симптомом эскалации коммерческих трений между членами ВТО;

2. Усиление мер торговой защиты, которые относятся к иницированию исследований, которые могут привести к введению антидемпинговых, компенсационных или защитных мер, и в отношении

которых члены ВТО обязаны информировать организацию, становятся индикатором роста степени напряженности в торговых отношениях между государствами;

3. Общие меры экономической поддержки (такие как субсидии), реализуемые членами ВТО, имеют восходящую тенденцию (ВТО, 2016).

Эти выводы дополняют различные подходы в современной специализированной литературе и подтверждают идею о том, что замедление темпов роста мировой торговли может быть временным явлением, даже если речь идет о появлении «новой нормы». Однако мировая торговля вряд ли восстановит динамику, зафиксированную до кризиса (Радостева, 2018б). Наконец, вряд ли тенденция к росту торговли в прошлом, проявлявшаяся в стремительном процессе либерализации торговли, интеграции Китая и стран Центральной и Восточной Европы в мировую экономику, снижении транспортных и коммуникационных издержек, будет иметь в будущем аналогичный ход. В то же время данные, собранные специализированными учреждениями, свидетельствуют о том, что параллельно с беспрецедентной активизацией использования странами протекционистских мер произошли изменения и в облике протекционизма. Таким образом, до ограничения международной торговли наиболее часто применяемыми инструментами защиты были повышение импортных пошлин, антидемпинговые меры, компенсационные пошлины и защитные меры, в период ограничения торговли – государственная помощь, начатая в национальных отраслях, наряду с программами финансовой помощи и налоговыми льготами выдвинулась на первый план, имея огромный потенциал для искажения международной торговли.

Рост протекционизма может нанести ущерб торговле и деловой активности. О новом протекционизме следует судить не только в коммерческом плане, поскольку кризисный манёвр побуждает государство активнее вмешиваться в экономику. Кри-

зис глобализации следует рассматривать в более широком ракурсе, выходящем за рамки чисто экономических аспектов. Среди экономистов широко распространён консенсус как в отношении общих чистых выгод от открытости торговли, так и в отношении необходимости смягчения негативного воздействия, которое она оказывает на определённые группы общества. Однако повышение торговых барьеров не является решением последней проблемы. Обращение вспять торговой интеграции может поставить под угрозу чистые экономические выгоды, которые она принесла. Разрушая долгосрочные выгоды от более тесных торговых и инвестиционных связей, отступление в сторону протекционизма также может привести к нарушению стабильности глобальных финансовых рынков (Иванова, 2017).

Заключение. Налицо тревожное усиление негативного восприятия и отношения к торговле и предпринимаемым шагам по ее либерализации в странах и регионах мира, а также явные признаки обострения экономического национализма и популизма. Как отмечает еврокомиссар по торговле Сесилия Мальмстрем: «сегодня в основе торговой политики лежит парадокс. С одной стороны, люди по обе стороны Атлантики извлекают больше пользы из экономической открытости, чем когда-либо прежде. Они извлекают выгоду из экспорта. В ЕС каждое седьмое рабочее место зависит от экспорта за пределы наших границ. В США этот показатель только для производственных рабочих мест составляет четверть. А это более высокая зарплата и более квалифицированные рабочие места. И они нам нужны. Нам нужно их больше. Люди также получают выгоду от импорта. Потребители имеют доступ к продуктам всего мира, поэтому они могут выбрать самое лучшее для своих потребностей. Компании тоже так делают, что делает их более конкурентоспособными. И они получают выгоду от прямых иностранных инвестиций. Более 7 миллионов человек заняты в ЕС и более 6 милли-

оно в США, благодаря прямым иностранным инвестициям (Malmström, 2016). Точно так же, помимо антиторговой и антиглобалистской риторики, все более распространённым представляется тот факт, что международная торговля достигла своего пика, а процесс глобализации и, неявно, процесс глобальной экономической интеграции прекратились.

Мировая экономическая система находится в процессе адаптации к новой ситуации, характеризующейся слабым и устойчивым экономическим ростом, когда отдача от инвестиций низка (как и процентные ставки и темпы инфляции), а стимулы для глобализации и перемещения рабочей силы постепенно снижаются. По мере того как процесс глобализации отступает, следует ожидать, что экономика будущего будет все больше приобретать «местное» измерение. В результате концепция «деглобализации» перестает быть просто «политической» при стагнации роста товарооборота, подтвержденной официальными данными международных экономических организаций (Minenna, 2016). Важным источником протекционистского давления может стать широкая политическая и социальная озабоченность по поводу влияния свободной торговли. Эти опасения вызваны тем фактом, что глобализация воспринимается как один из основных факторов, способствующих расширению неравенства в оплате труда в развитых странах.

Эвенетт и Фриц высказывают идею относительно призрака навязывания нового типа меркантилизма, характерного для 21-го века, который, в отличие от своих предшественников в прошлые века, будет иметь потенциал повлиять на гораздо более широкий спектр торговли, принимая во внимание новые экономические реалии, особенно в рамках глобального торгового ландшафта (Evenett, Fritz, 2016). Оба автора обращают внимание на тот факт, что в мире, где глобальная торговля больше не растет, правительства могут стремиться получить большую долю рынка для своих

экспортёров только за счёт коммерческих партнёров. Мы полагаем, что нынешний экономический и политический контекст породит обострение конкуренции за прямые иностранные инвестиции, за высококвалифицированную рабочую силу, за научно-исследовательские центры и за интеллектуальную собственность, тенденции, которые могут привести к возникновению новой версии меркантилизма.

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interests to declare.

Список литературы

Баранников А.Л., Иванова С.П., Барбашина О.В. [и др.] Развитие интеллектуального капитала и инновационных компетенций // Актуальные вопросы обеспечения образовательной и научной деятельности в университете: сб. ст. М., 2016. С. 5-8.

Иванова С.П. Антикризисное управление в системе корпоративного менеджмента. Рабочая тетрадь / С.П. Иванова, К.В. Садыкова. – Волгоград, 2017.

Иванова С.П. Показатели эффективности реальных инвестиций: эволюция и проблемы использования / С.П. Иванова, А.Н. Литвинов // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. 2016. № 5 (89). С. 73-80.

Мясоедов А.И. Неформальная экономика: статистический анализ в Европейских странах / А.И. Мясоедов, С.П. Иванова // Экономика. Информатика. 2020. 47 (1). С. 23–30.

Мясоедов А.И. Перспективы и внедрение контроллинга как инструмента управления предприятием / А.И. Мясоедов // Грани познания. 2020. № 2 (67). С. 39-45.

Мясоедов А.И. Природа финансовых циклов и их роль в развитии кризисных процессов на примере Украины / А.И. Мясоедов // Научный результат. Экономические исследования. 2020. Т.6. № 1. С. 24-34. DOI: 10.18413/2409-1634-2020-6-1-0-3

Пряжникова Е. Ю. Психология труда: теория и практика: учебник для бакалавров / Е. Ю. Пряжникова. – М.: Издательство Юрайт, 2019. – 452 с.

Радостева М.В. К вопросу о производи-

тельности труда / М.В. Радостева // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Экономика. Информатика. 2018. Т. 45. №2. С. 268-272.

Радостева М.В. Производительность труда: основные тенденции и ключевые факторы развития на современном этапе / М.В. Радостева // Экономика и менеджмент систем управления. 2018. Т. 29. №3-1. С. 162-172.

Bucătar, D.G., 2018. Globalization and the Reconfiguration of the World Economic Order. *the Ovidius University Annals, Economic Sciences Series*, 18th Volume (Issue 2/2018), pp. 106 – 111.

Dăianu, D., 2017. Noul protectionism: de unde vine și încotro duce. URL: <http://www.opiniibnr.ro/index.php/macroeconomie/187-noul-protectionism-de-unde-vine-si-incotro-duce> (дата обращения: 01.05.2020).

Evenett, S. J., Fritz, J., 2016. *Global Trade Plateaus. The 19th Global Trade Alert Report*. London: CEPR PRESS.

Friedman M. Government Revenue from Inflation//*The Journal of Political Economy*, Vol. 79, No. 4. (Jul. — Aug., 1971), pp. 846—856

Hoekman, B., 2015. Has global trade peaked? URL: <https://www.weforum.org/agenda/2015/06/has-global-trade-peaked/> (дата обращения: 01.05.2020).

Kicsi, R.I., 2013. *Protectionism și liberschimbism. Retică și realitate. Iași: Sedcom Libris.*

Lagarde, C., 2018. *Fix the Roof While the Window of Opportunity is Open: Three Priorities for the Global Economy.* (Speech at University of Hong Kong).

Lupan, M., Prelipsean, G., 2009. Contemporary globalization - confrontations of ideas. *Annals of Faculty of Economics, Oradea*, vol. 2, issue 1, pp.393-399.

Malmström, C., 2016. *EU Trade Priorities in 2016.* (Speech at Peterson Institute, Washington D.C).

Minenna, M., 2016. *The Halt In Global Trade Growth And The Rise Of Neo-Mercantilism.* URL: <https://www.socialeurope.eu/halt-global-trade-growth-rise-neo-mercantilism> (дата обращения: 01.05.2020).

Von Mises, L., 2002. *Liberalism in the Classical Tradition.* Misses org. Edition.

Ostry, J., 2019. *Why protectionism spells trouble for global economic growth,* URL:

<https://www.weforum.org/agenda/2019/03/why-tariffs-spell-trouble-for-economic-growth/> (дата обращения: 01.05.2020).

Reuters Agency Press, 2017. *World has racked up 7,000 protectionist measures since crisis: study,* URL: <https://uk.reuters.com/article/us-global-economy-protectionism/world-has-racked-up-7000-protectionist-measures-since-crisis-study-idUKKBN1DF005> (дата обращения: 01.05.2020).

References

Barannikov, A.L., Ivanova, S.P. Barbashina, O.V. et al., (2016), “Development of intellectual capital and innovative competencies”, *Aktual'nye voprosy obespechenija obrazovatel'noj i nauchnoj dejatel'nosti v universitete*, collection of articles, M., pp. 5-8.

Ivanova, S.P. (2017), *Anti-crisis management in the corporate management system. Workbook*, Volgograd.

Ivanova, S.P. (2016), “Performance indicators of real investments: evolution and problems of use”, *Vestnik Rossijskogo jekonomicheskogo universiteta imeni G.V. Plehanova*, 5 (89), pp. 73-80.

Mjasoedov, A.I. (2020), “The Informal economy: statistical analysis in European countries”, *Ekonomika. Informatika*, 47 (1), pp. 23-30.

Mjasoedov, A.I. (2020), “Prospects and implementation of controlling as an enterprise management tool”, *Grani poznanija*, 2 (67), pp. 39-45.

Mjasoedov, A.I. (2020), “The Nature of financial cycles and their role in the development of crisis processes on the example of Ukraine”, *Nauchnyj rezul'tat. Ekonomicheskie issledovanija*, Vol.6, 1, pp. 24-34. DOI: 10.18413/2409-1634-2020-6-1-0-3

Prjazhnikova, E. Ju. (2019), *Psychology of labour: theory and practice: textbook for bachelors*, M., Izdatel'stvo Jurajt, 452 p.

Radosteva, M.V. (2018), “To the question of labor productivity”, *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Ekonomika. Informatika*, Т. 45, 2, pp. 268-272.

Radosteva, M.V. (2018), “labor Productivity: main trends and key factors of development at the present stage”, *Ekonomika i menedzhment sistem upravlenija*, Т. 29, 3-1, pp. 162-172.

Bucătar, D.G. (2018), “Globalization and the Reconfiguration of the World Economic Order”. *The Ovidius University Annals, Economic Sciences Series*, 18 th Volume (Issue 2, 2018),

pp. 106-111.

Dăianu, D., (2017), Noul protectionism: de unde vine și încotro duce. [Online], available at: <http://www.opiniibnr.ro/index.php/macroeconomie/187-noul-protectionism-de-unde-vine-si-incotro-duce> (Accessed 01.05.2020).

Evenett, S. J. and Fritz, J., (2016), “Global Trade Plateaus”, *The 19th Global Trade Alert Report*, London, CEPR PRESS.

Friedman, M. (1971), “Government Revenue from Inflation”, *The Journal of Political Economy*, Vol. 79, 4, pp. 846—856

Hoekman, B., (2015). Has global trade peaked? [Online], available at: <https://www.weforum.org/agenda/2015/06/has-global-trade-peaked/> (Accessed 01.05.2020)

Kicsi, R.I., (2013), “Protectionism și liberschimbism”, *Retorică și realitate. Iași*, Sedcom Libris.

Lagarde, C., (2018), “Fix the Roof While the Window of Opportunity is Open”, *Three Priorities for the Global Economy*. (Speech at University of Hong Kong).

Lupan, M. and Prelipcean, G., (2009), “Contemporary globalization – confrontations of ideas”, *Annals of Faculty of Economics*, Oradea, vol. 2, issue 1, pp.393-399.

Malmström, C., (2016), “EU Trade Priorities in 2016”, Speech at Peterson Institute, Washington D.C.

Minenna, M., (2016), The Halt In Global Trade Growth And The Rise Of Neo-Mercantilism [Online], available at:

<https://www.socialeurope.eu/halt-global-trade-growth-rise-neo-mercantilism> (Accessed 01.05.2020)

Von Mises, L., (2002), Liberalism in the Classical Tradition. *Mises org. Edition*.

Ostry, J., (2019), Why protectionism spells trouble for global economic growth, [Online], available at: <https://www.weforum.org/agenda/2019/03/why-tariffs-spell-trouble-for-economic-growth/> (Accessed 01.05.2020).

Reuters Agency Press, (2017), World has racked up 7,000 protectionist measures since crisis: study, [Online], available at: <https://uk.reuters.com/article/us-global-economy-protectionism/world-has-racked-up-7000-protectionist-measures-since-crisis-study-idUKKBN1DF005> (Accessed 01.05.2020).

Данные об авторе

Мясоедов Алексей Иванович, ведущий специалист Государственного бюджетного учреждения города Москвы «Многофункциональные центры предоставления государственных услуг города Москвы». ORCID: 0000-0001-7169-2153

Information about the author

Alex I. Myasoedov, Leading Specialist, State Budgetary Institution of the City of Moscow "Moscow Multifunctional Centers for Providing State Services". ORCID: 0000-0001-7169-2153